

---

## С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

---

**С.А. СЕРГЕЕВ\***

### **СРАВНИВАЯ ЭТНИЧЕСКИЕ ФЕДЕРАЦИИ**

**Рец. на кн.:** *Фарукшин М.Х.* Этнические федерации: сравнительное исследование / М. Х. Фарукшин. – М.: Директ-Медиа, 2025. – 460 с.

*Для цитирования:* Сергеев С.А. Сравнивая этнические федерации: рецензия // Политическая наука. – 2026. – № 3. – С. 301–309. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.14>

В 1990-е и 2000-е годы, когда в России формировались основы современного федерализма, исследования федеративного устройства занимали заметное место в отечественной политической науке. Сегодня российские политологи обращаются к этой теме намного реже, но своей актуальности федерализм и связанные с ним проблемы не утратили. Несмотря на попытки пересмотра исторической роли империй и их места в историческом процессе [Миллер, 2008; Миллер, 2024], значение федерализма как важной формы государственного устройства для стран с большой территорией и культурным разнообразием, а также необходимостью поддерживать баланс между центром и регионами, остается неоспоримой. Более того, федерализм используется как средство урегулирования и смягчения политических конфликтов в небольших странах, но разнородных в этническом, религиозном и лингвистическом

---

\* **Сергеев Сергей Алексеевич**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Казанский федеральный университет (Казань, Россия), e-mail: [SASergeev@kpfu.ru](mailto:SASergeev@kpfu.ru)

© Сергеев С.А., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.03.14

отношениях (например, Непал и Эфиопия). Впрочем, когда речь заходит об этническом федерализме – модели государственного устройства, предполагающей институциональное признание этничности как одного из оснований политической организации пространства, разногласия среди исследователей приобретают особенно острый характер. Эффекты этнического федерализма для политической стабильности и территориальной целостности государства оцениваются порой диаметрально противоположным образом.

Монография М.Х. Фарукшина «Этнические федерации: сравнительное исследование» представляет собой развернутое осмысление феномена этнофедерализма, в котором автор стремится выйти за рамки описания отдельных случаев и предложить более обобщенное понимание этнической федерации как особого типа политико-территориального устройства.

Методологической основой монографии выступает сравнительный анализ двенадцати современных федераций, среди которых Бельгия, Босния и Герцеговина, Канада, Индия, Испания, Малайзия, Непал, Нигерия, Пакистан, Россия, Швейцария и Эфиопия. Географический и институциональный разброс кейсов позволяет автору избежать евроцентризма и показать отличия и сходства этнофедеративных решений в различных политических режимах и социокультурных контекстах. Институциональный анализ сочетается в монографии с рассмотрением партийных систем, механизмов представительства и языковой политики.

В двух первых главах автор подобно анализирует доводы сторонников и оппонентов этнического федерализма. Автор поставил перед собой непростую задачу: в рамках академической дискуссии, попытаться объективно рассмотреть различные интерпретации этнического федерализма, поскольку в настоящее время он явно смещен, как отмечает М. Фарукшин, в сторону негативных оценок. Позитивные оценки этнического федерализма не исчерпываются апеллированием к большим возможностям сохранения и развития своей идентичности и культуры. Этнический федерализм предоставляет большие возможности для урегулирования и разрешения конфликтов. Наличие субъектов федерации, созданных по этнотерриториальному принципу, предоставляет этнической группе возможность самоуправления и не нарушает целостности государства. Однако возникают следующие вопросы: кому именно предоставляется возможность самоуправления? Насколько леги-

тимны претензии той или иной этнической элиты управлять от имени всей этнической группы?

В третьей главе М. Фарукшин продолжает доказывать продуктивность благотворность основного принципа этнического федерализма – выделения одного, нескольких или всех субъектов федерации по этнотерриториальному принципу. Это само по себе не способствует этническому сепаратизму. Этнический сепаратизм, подчеркивает автор, порождает не субъекты этнических федераций, а неприемлемые условия, в которых находится этнические группа (с. 108).

В третьей главе автор разворачивает перед нами панораму современных этнических федераций во всем их разнообразии: от Бельгии и Канады до Индии и Малайзии. Анализ институтов этнических федераций и те характеристики, которые дает им автор, интересны сами по себе и потому заслуживают более развернутого изложения ниже.

Бельгия определяется М. Фарукшиным как классическая и в тоже время уникальная этнофедерация (с. 161), что определяется ее биэтническим характером и возможностью паритетного участия в управлении как для фламандцев, так и для валлонов.

Этнофедеративное устройство Боснии и Герцеговины также оценивается достаточно высоко, но при этом отмечается, что оно не было сформировано с подачи граждан, а навязано международным сообществом (с. 173).

При обсуждении федеративного устройства Индии автор задается следующим вопросом: Индия – федерация этническая или этнолингвистическая? За этим вопросом – не схоластический спор о словах, а проблема корректного использования терминов в рамках различных подходов к этничности. Если считать, что этничность – это объективная, врожденная и неизменная реальность, а язык – неотъемлемый элемент и даже главный индикатор этничности, то между этнической и этнолингвистической федерациями можно поставить знак ~ («приблизительно равно»). К подобному же выводу склоняется и автор рецензируемой монографии.

Если же этничность рассматривается как социальный конструкт, созданный в определенных исторических, политических и культурных условиях, а язык в качестве инструмента или символа, который может использоваться для конструирования этнической идентичности и не является непременным индикатором этничности, то различие между этнической и этнолингвистической федерациями выглядит более значимыми. Этнолингвистическая федерация

может рассматриваться как специфическая форма, где языковой фактор искусственно выделяется в качестве ключевого критерия для формирования субъектов, что может быть связано с политическими стратегиями, необходимостью легитимации власти или попыткой управлять межэтническими отношениями через языковые различия.

Включение Испании в список этнических федераций также может вызывать вопросы, хотя Испания полиэтническое государство автономных сообществ, обладающих значительной самостоятельностью. Формально Испания не является федерацией, хотя ряд исследователей, в том числе и М.Х. Фарукшин, считают, что фактически Испания – это этническая федерация (с. 189).

На наш взгляд, анализ спорных случаев в исследованиях федерализма не только допустим, но и продуктивен, поскольку расширяет представления о границах и возможностях этого феномена. При изучении федерализма в Азии обнаруживаются куда более спорные примеры, чем Испания, – в частности, Китайская Народная Республика, которая, по утверждению некоторых исследователей, является «де-факто» федеративным государством [Zheng, 2007]. Кроме того, Индонезия, Мьянма, Филиппины и Япония, рассматриваются как «приближающиеся» к федерализму или «квазифедеральные» государства [He, Galligan, Inoguchi, 2007].

Принадлежность Канады к этническим федерациям М. Фарукшиным не оспаривается, хотя отмечается, что не все признаки, присущие этническим федерациям, есть в ее государственном устройстве. (Забегая вперед, можно отметить, что из 12 случаев, рассмотренных в монографии, лишь 4 обладают полным набором признаков этнофедерации).

Достаточно спорным случаем является и Малайзия. Федеративный характер ее государственного устройства зафиксирован в Конституции, а также в принятых позже конституционных законах и соглашениях. Но насколько можно считать ее этнофедерацией? По мнению автора монографии, два штата, Саравак и Сабах, образованы по этническому принципу и обладают более широким кругом полномочий, чем другие субъекты Федерации Малайзия (с. 213). При этом в Малайзии нет «четкого выделения этнотерриториального принципа формирования субъектов федерации» (с. 221).

Как спорный случай этнической федерации в монографии рассматривается и Непал. Анализируя непальский федерализм, М.Х. Фарукшин констатирует, что ни одна из семи провинций

этой страны не образованы по этнотерриториальному принципу, и в собственном смысле слова Непал нельзя назвать этнической федерацией. Однако значительное представительство одной из этнических групп, Кхас Арья, в государственном аппарате, судах и местном самоуправлении тем не менее, считает автор монографии, позволяет говорить о частичном этническом федерализме в Непале» (с. 228–229).

Спорным случаем является и нигерийский федерализм. Это признается и автором: «Нигерийская Федерация явно не является и близко не подходит к тому, чтобы быть чисто этнической федерацией, но в ней явно присутствует значительный этнический компонент» (с. 229): в ряде штатов Нигерии количественно преобладает та или другая этническая группа, хотя с ареалом расселения этнических групп совпадают границы лишь одного из 36 штатов.

Обсуждая федерализм в Пакистане, М. Фарукшин склонен согласиться с мнением Э. Элбер и М. Дж. Брина [Alber, Breen, 2022], а также Г-и-Х. Шахзад [Shahzad, 2015] относительно этнического характера пакистанской федерации: Пакистан имеет если не все признаки федерализма, но важную часть из них (с. 258).

В число этнических федераций вполне обоснованно включается и Россия, поскольку бесспорным представляется «наличие у нее такого конституирующего признака этнической федерации, как нахождение в ее составе субъектов федерации», организованных в соответствии с этнотерриториальным принципом (с. 259).

Швейцария представляет собой еще один спорный случай этнофедерации. Можно выделить следующие точки зрения: швейцарские кантоны – не этнические образования, и Швейцария – моноэтническое, хотя и многоязычное государство; Швейцария – многонациональная федерация, но не этнофедерация; те обстоятельства, что границы кантонов примерно совпадают с ареалами этнолингвистических групп, а также более или менее пропорциональное представительство этнолингвистических групп в федеральных органах государственной власти, дает основание утверждать, что Швейцария обладает некоторыми признаками этнофедерации. Третью точку зрения разделяет и М.Х. Фарукшин.

Наконец, последней по списку, но не по значению среди выделенных в монографии этнофедераций является Эфиопия. Относительно этнического характера эфиопского федерализма среди исследователей нет больших разногласий, хотя определение Эфиопии как этнической федерации иногда вызывает возра-

жения [Gebrehiwot, Hefetsion, 2015]. Полярно противоположные точки зрения высказываются относительно эффективности эфиопского федерализма и его пригодности для Эфиопии. Согласно оценкам одних ученых, этнический федерализм способствует сохранению территориальной целостности Эфиопии, единству эфиопского народа, расширяет возможности самоуправления этнических групп. При этом комплиментарное отношение к эфиопскому федерализму, по мнению М. Фарукшина, порой выходит за границы допустимого (с. 279). Наряду с этим на ту модель этнического федерализма, что принята в Эфиопии, возлагается ответственность за сохранение неравенства этносов и обострение этнических конфликтов.

Но подробное описание этнических федераций для автора является скорее важной предпосылкой для построения идеального типа подобной федерации, называемой «классической моделью». Основные характеристики этого идеального типа описаны в пятой главе монографии. Трактовка термина «этническая федерация» как государства, имеющего в составе субъекты, созданные по этнотерриториальному признаку, является, по мнению автора монографии, крайне ограниченным. Это важный, но не единственный признак. У этнических федераций есть не один признак, а несколько, хотя далеко не все этнические федерации обладают полным набором этих признаков.

Среди других признаков этнических федераций:

- доминирующее положение в каждом субъекте одной или двух этнических групп (по имени которой или которых нередко, но не всегда называется и сам субъект);

- наличие этнических партий, т.е. партий, претендующих на представительство и защиту интересов определенных этнических групп;

- представительство этнических групп в федеральных и региональных государственных органах и деление власти (power-sharing) между ними;

- право вето этнических групп на решения, исходящие от исполнительной или законодательной ветвей власти.

Наличие или отсутствие того или иного признака в федерациях, рассматриваемых в монографии, наглядно показано в составленной автором сводной таблице. Итог несколько неожиданен: полным набором признаков обладают лишь 4 этнофедерации из 12. Речь о Бельгии, Боснии и Герцеговине, Малайзии и Эфиопии, названные автором «классическими этническими федерациями» (с. 337).

Среди наиболее распространенных значений слова «классический» – «являющийся образцом для подражания», «эталонный», «превосходный». Однако даже Бельгия не может быть образцом для всех этнических или многонациональных федераций. Ранее автор обращал внимание на ее уникальность и биэтничность (с. 161), а в ситуации, когда этнических групп не две и не три, бельгийская модель вряд ли воспроизводима. Существование федеративной модели Боснии и Герцеговины обеспечено поддержкой и давлением извне. Малайзия, с ее законодательно закрепленным доминированием малайского большинства, о чем пишет автор (с. 215–216), представляет собой явно недемократическую (или полудемократическую) разновидность федерации – «минималистский федерализм», по выражению У. Кейса [Case, 2007], который также вполне заслуживает определения «этнократического». Наконец, Эфиопия, ввиду противоречий и проблем эфиопского федерализма, также вряд ли может в ближайшее время стать эталоном. Поэтому обозначение «классический» ввиду нормативной коннотации данного слова для этих четырех этнофедераций представляется методологически значимым и одновременно дискуссионным. В общеязыковом употреблении слово «классический», как отмечалось выше, обычно имеет нормативную окраску и нередко воспринимается как обозначение образцовой или предпочтительной модели. В рассматриваемом случае, однако, речь идет скорее об «идеальном типе» в веберовском смысле – аналитической конструкции, позволяющей упорядочить и сопоставить эмпирический материал. Поэтому использование термина «классический» не обязательно предполагает оценку этих случаев как нормативных или рекомендуемых. Скорее, речь идет о попытке зафиксировать предельную конфигурацию признаков этнической федерации, которая может служить удобной точкой отсчета для сравнительного анализа.

Возвращаясь к таблице, нетрудно заметить, что первый признак (наличие субъектов или субъекта федерации, выделенного по этническому признаку) характерен для 11 федераций из 12, второй (доминирующее положение в субъекте федерации одной или двух этнических групп) и четвертый (представительство этнических групп в органах власти и power-sharing) – для 9 федераций из 12, третий (существование этнических партий) – для 8 из 12 и пятый (право вето) – всего для 4 федераций. Возможно, третий и пятый признаки носят факультативный характер, отражая более высокую степень институционализации этничности, но не являясь необходимыми для типологической классификации?

Пятая глава монографии посвящена этнолингвистическим проблемам этнических федераций. В ней рассматриваются функции языков в этнофедерациях, в частности, их роли при определении границ субъектов и организации федерации в целом, при формировании органов власти, а также проблема двуязычия, связанная с сосуществованием официального языка и языков субъектов федерации. Обсуждение проблемы двуязычия органично переходит в обсуждение проблемы реализации языковой политики, поскольку все этнические федерации вынуждены так или иначе учитывать складывающуюся в них языковую ситуацию, характеризующуюся необходимостью использования двух или более языков.

Языковая же политика, в свою очередь, неотрывна от проблемы изучения государственного и региональных языков в системе образования. В монографии приводится ряд примеров того, что практически ни одна из этнофедераций не избежала споров по поводу использования различных языков в преподавании и обучении: доминантных и недоминантных, общегосударственных и региональных. Конфликты возникают даже в федерациях с давними демократическими и либеральными традициями: в Бельгии оказалось невозможным создание школ с нидерландским языком обучения в Валлонии и с французским – во Фландрии. В Каталонии единственным языком обучения объявлен каталонский язык, в Швейцарии недовольство вызывает увеличение часов изучения английского за счет немецкого во франкоязычных кантонах и за счет французского в германоязычных кантонах.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что монография М. Фарукшина «Этнические федерации: сравнительное исследование», являющаяся продолжением предыдущих исследований автора по проблемам федерализма, этнических автономий и языковой политики, без сомнения, достойна внимания уже в силу широкого охвата материала и богатства эмпирической базы. И хотя не все утверждения автора бесспорны, новая монография М. Фарукшина побуждает анализировать проблемы этнических федераций, размышлять над достоинствами и недостатками той или иной модели государственного устройства, предлагать новые методологические инструменты и аналитические схемы.

**S.A. Sergeev\***  
**Comparing ethnic federations: review**

*For citation:* Sergeev S.A. Comparing ethnic federations: review. *Political science (RU)*. 2026, N 3, P. 301–309. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.03.14>

**References**

- Alber E., Breen M.G. Federalism and ethnic relations. In: Cremades J., Hermida C. (eds). *Encyclopedia of contemporary constitutionalism*. Springer: Cham, 2022, P. 1–26. DOI: [https://doi.org/10.1007/978-3-319-31739-7\\_212-1](https://doi.org/10.1007/978-3-319-31739-7_212-1)
- Case W. Semi-democracy and minimalist federalism in Malaysia. In: He B., Galligan B., Inoguchi T. (eds). *Federalism in Asia*. Chettenham: Edward Elgar Publ., 2007, P. 124–143.
- He B., Galligan B., Inoguchi T. (eds). *Federalism in Asia*. Chettenham: Edward Elgar Publ., 2007, 329 p.
- Gebrehiwot M., Heftetsion E. The politics of naming the Ethiopian federation. *Journal of Ethiopian studies*. 2015, Vol. 48, P. 89–117.
- Miller A. The history of empires and the politics of memory. *Russia in global affairs*. 2008, Vol. 6, N 4, P. 189–202. (In Russ.)
- Miller A. The Russian empire and the Soviet Union: the dialectics of rupture and continuity. *Quaestio Rossica*. 2024, Vol. 12, N 1, P. 339–352. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.882>. (In Russ.)
- Shahzad G.-i.-H. *Ethno-federalism, nationalization of parties and the dynamics of local government: the case of Pakistan*. Budapest: CEU, 2015, 64 p.
- Zheng Y. China's de facto federalism. In: He B., Galligan B., Inoguchi T. (eds). *Federalism in Asia*. Chettenham: Edward Elgar Publ., 2007, P. 213–241.
- Weber M. «Objectivity» of Knowledge in Social Science and Social Policy. In: M. Weber. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, P. 345–415. (In Russ.)

**Литература на русском языке**

- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345–415.
- Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т.6, № 4. – С. 118–134.
- Миллер А. Российская империя и Советский Союз – диалектика разрыва и преемственности // Quaestio Rossica. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 339–352. – DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.882>.

---

\* **Sergeev Sergey**, Kazan Federal University (Kazan, Russia), e-mail: [SASergeev@kpfu.ru](mailto:SASergeev@kpfu.ru)